

Данилова Юлия Юрьевна, Учиров Павел Сергеевич

КОНЦЕПТ ВЛАСТЬ КАК СРЕДСТВО ОБЪЕКТИВАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ СПИЧРАЙТЕРА

В статье предпринимается попытка реконструировать и описать универсальный концепт "власть" как феноменальную составляющую языковой личности спичрайтера на материале выступлений В. В. Путина и Д. А. Медведева. В этом смысле особое значение приобретают системные отношения, в частности, валентность лексемы "власть" или ее дериватов: в зависимости от их сочетаемости с другими одноуровневыми единицами языка план содержания конкретизируется и наполняется необходимым, с точки зрения спичрайтера и, конечно, заказчика, смыслом. Это позволяет сопоставить некоторые особенности языковой экспликации концепта и выявить общее и частное, узуальное и индивидуальное в концептуальном наполнении данного смыслокомплекса в дискурсе политических лидеров РФ и, следовательно, их спичрайтеров.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2012/6/10.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 6 (17). С. 46-51. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2012/6/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

FUNCTIONING OF POLYPREDICATIVE SENTENCE WITH PARATAXIS AND HYPOTAXIS IN POSITION OF COMMUNICATIVE STEP (BY THE MATERIAL OF THE ENGLISH LANGUAGE SCRIPT TEXTS)

Tat'yana Gennad'evna Voloshina
Department of Second Foreign Language
Belgorod National Research University
tatianavoloshina@rambler.ru

The author reveals the peculiarities of the functioning of polypredicative sentences with parataxis and hypotaxis in screenplays dialogues in the position of such dialogic communication unit as a communicative step, and pays special attention to the analysis of the formal organization and informative structure of a polypredicative sentence.

Key words and phrases: polypredicative sentence; parataxis; hypotaxis; dialogue; communicative step.

УДК 81'42:81'37:82-52

Филологические науки

В статье предпринимается попытка реконструировать и описать универсальный концепт «власть» как феноменальную составляющую языковой личности спичрайтера на материале выступлений В. В. Путина и Д. А. Медведева. В этом смысле особое значение приобретают системные отношения, в частности, валентность лексемы «власть» или ее дериватов: в зависимости от их сочетаемости с другими одноуровневыми единицами языка план содержания конкретизируется и наполняется необходимым, с точки зрения спичрайтера и, конечно, заказчика, смыслом. Это позволяет сопоставить некоторые особенности языковой экспликации концепта и выявить общее и частное, узуальное и индивидуальное в концептуальном наполнении данного смыслокомплекса в дискурсе политических лидеров РФ и, следовательно, их спичрайтеров.

Ключевые слова и фразы: концепт; власть; языковая личность; спичрайтер; смыслокомплекс; политический дискурс.

Юлия Юрьевна Данилова, к. филол. н.

Павел Сергеевич Учиров

Кафедра русского языка и контрастивного языкознания

Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета

danilovaespu@mail.ru

**КОНЦЕПТ ВЛАСТЬ КАК СРЕДСТВО ОБЪЕКТИВАЦИИ
ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ СПИЧРАЙТЕРА[©]**

Феномен языковой личности (далее – ЯЛ) в последние годы часто становится предметом лингвистических исследований, повышенный интерес к которому во многом обусловлен произошедшей в конце XX столетия сменой системно-структурной парадигмы языка на антропоцентрическую и, как следствие, вниманием к языку отдельных писателей. В связи с этим достаточно назвать классические труды В. В. Виноградова [4], который в начале XX века вводит в научный оборот понятие «образ автора», ставшее предшественником исследуемого. В «Опытах риторического анализа» (1930 г.) ученый анализирует ЯЛ в неосложненном, чистом виде, подробно разбирает публичные выступления, речь видных русских адвокатов (В. Д. Спасовича, А. Ф. Кони). «Сложный, многоуровневый, выходящий далеко за пределы одной ЯЛ образ автора в этом случае сжимается, свертывается и в очень сильной степени сближается с конкретной ЯЛ» [9, с. 32].

Потребность в уточнении содержания и рабочем определении данного понятия появилась в 80-х гг. XX века. Сегодня существует большое количество попыток интерпретации данного феномена [2; 3; 9; 16; 17], поэтому точнее говорить о подходах в его исследовании: теоретико-методологическом, психолингвистическом, социолингвистическом, лингвокогнитивном, психоэстетическом и др. Систематизация имеющегося научного знания относительно заявленной проблемы позволяет нам, не умаляя заслуг других ученых, наиболее разработанной и авторитетной признать работу Ю. Н. Караулова «Русский язык и языковая личность» (1987 г.), где сформулировано ставшее программным определение ЯЛ как «многокомпонентного, структурно упорядоченного набора языковых способностей, умений, готовностей производить и воспринимать речевые произведения» [9, с. 71].

Особый научный интерес и пристальное внимание исследователей привлекает к себе политический дискурс [11; 22], поскольку он в большей степени влияет на общественное сознание и имеет широкую сферу распространения в СМИ. Функциональная нагрузка слова постоянно увеличивается, оно превращается в орудие управления людьми, поэтому тексты для публичного выступления политиков, руководителей больших

предприятий давно пишутся специалистами. За рубежом их называют спичрайтерами, в России официально нет такой профессии (как аналог используется номинация *референт*, лат. *referens* «сообщающий»).

Сам термин *спичрайтинг* – английский дериват, образованный путем сложения основ *speech* «речь» и *write* «писать», т.е. буквально *speech writing* «написание речей». Семантика его вполне прозрачна и предполагает подготовку и создание текстов для устных выступлений перед большой аудиторией. Единственное определение спичрайтинга в российской науке принадлежит А. Д. Кривоносову, изложенному в труде «Основы спичрайтинга» (2003 г.), которое явилось основополагающим для исследования: «специфическая PR-технология, представленная в виде техники подготовки и написания PR-текста, предназначенного для устного исполнения, а также консалтинг первого (должностного) лица по организации публичного выступления и его исполнению. В узком смысле – исполнение текста устного публичного выступления для руководителя (должностного лица) базисного субъекта PR» [12, с. 43]. Соответственно, составитель текстов речей, выступлений для высокопоставленных лиц государства, политиков, общественных деятелей или бизнесменов – *спичрайтер*.

Спичрайтерскими нами признаются тексты официальных выступлений В. В. Путина и Д. А. Медведева, размещенные на сайтах Президента и Председателя Правительства РФ, которые послужили материалом для исследования обозначенной проблемы. Всего было рассмотрено 11 текстов спичей (или их фрагментов) В. В. Путина за период с 2007 г. по 2012 г. общим объемом чуть более 4000 знаменательных слов; 10 – Д. А. Медведева за период с 2008 г. по 2012 г. объемом около 4500 знаменательных слов.

На когнитивном уровне осуществлялся анализ спичрайтерских текстов с разного рода вербализаторами концепта *власть*, выбор которого обусловлен его универсальностью, высокой степенью значимости и частотностью функционирования в политическом дискурсе. Представления о власти в значительной степени формируют картину мира политического деятеля, поскольку именно концепт *власть* является ее своеобразным аксиологическим центром, в некоторой степени организующим и определяющим все остальные ее характеристики. Поэтому неудивительно, что попытка осмыслить феномен власти предпринимается философами, социологами, политологами, историками, культурологами. Не исключение работы лингвистов, которые, как правило, ставят своей задачей реконструкцию представлений о власти в русской картине мира, привлекая данные разных источников [10; 11; 19].

Обусловленность языка его историей, культурой, опытом, позволяет обозначить некоторые типологические характеристики концепта *власть*, которые составляют суть его конвенциональной модели. Как фрагмент русской фольклорной картины мира (по данным русского паремиологического фонда [5]) данный концепт обнаруживает тесную лингвокогнитивную связь с понятиями «правда», «Божий закон», «идеальный правитель», который должен быть достойным, всемогущим, вездесущим, одновременно грозным и любимым народом. В древнерусской культуре в силу своей нематериальной природы власть осмысляется посредством разных типов метафор (предметных и пространственных), определяющих специфику данного концепта: она понимается средневековым человеком как ценный дар (этимологически близкие понятия «власть» и «владение», обусловленные единством внутренней формы слова), является объектом манипулирования, имеет ярко выраженную религиозную окраску [19]. В сталинский период «образцовой» становится советская власть, что обусловило причинно-следственное взаимодействие концептов *власть* и *страх* в сознании народа, точкой соприкосновения которых стали когнитивии типа *подозрение, донос, чистка, арест, следствие, принуждение*, включавшиеся в структуру данных смыслокомплексов [11, с. 61]. В современном лингвокультурном пространстве наблюдается антропоморфизм власти, способом объективации которого становятся синтагматические связи ключевой леммы: отсюда устойчивые сочетания типа *власть решает, контролирует, берет на себя ответственность*. Более того, этимология леммы-доминанты, являющейся именем поля, позволяет констатировать, что *власть* – производное от гл. *властвовать* – цслав. происхождения («заимств. из цслав. вместо *во́лость*» [21, с. 327]) и прошла несколько этапов в своем развитии, пока не стала отображать современное понимание «право и возможность распоряжаться кем-чем-н., подчинять своей воле» или «политическое господство, государственное управление и его органы» [13, с. 86].

Корпус анализируемого в данной работе материала составляет около 250 различных по своей природе и структуре номинаций, собранных методом сплошной выборки и объективирующих концепт *власть* в обозначенных нами спичрайтерских текстах. Это в среднем каждое 34 словоупотребление на общий словарный состав (8500 знаменательных слов) 21 текста/фрагмента спичей. Многочисленность лексических единиц, вербализующих *власть*, обусловлена, на наш взгляд, тем, что спичрайтер – госслужащий, пишущий тексты для правящей элиты страны, которой по долгу своей профессиональной деятельности необходимо ежедневно так или иначе касаться различных аспектов проблемы взаимодействия власти и народа.

Дефиниционный и элементы компонентного анализа позволили вскрыть и описать его структуру в полевого аспекте, специфические характеристики. Отметим, что дифференциация и зональная наполняемость концептуального поля условны, неоднозначны и вариативны, поскольку по природе своей концепт *власть* представляет собой континуум, в котором сосредоточены разные уровни культурно-исторического знания, опыта и мировидения.

В ядерную зону поля входит полисемант *власть* (29) и совокупность его словоформ (53). Примечательно, что, в отличие от конвенциональной модели, производные лексико-семантические варианты (далее – ЛСВ) в исследуемом дискурсе становятся наиболее частотными и составляют суть ядра, в то время как ЛСВ-1 «право и возможность распоряжаться кем-чем-н., подчинять своей воле» [Там же] имеет единичные случаи употребления: ЛСВ-2 «политическое господство, государственное управление и его органы» [Там же] в «*Мы обязали*

субъекты нашей страны упорядочить численность представительных органов **власти**» (запись в блоге Д. А. Медведева, посвященная развитию российской политической системы, от 23.11.2010) [15], «*Необходимо сделать так, чтобы суд был максимально независим от властей и абсолютно зависим от общества*» (Д. А. Медведев на встрече с членами Общественной палаты РФ 20.01.2011) [Там же]; ЛСВ-3 «лица, облеченные правительственными, административными полномочиями» [13, с. 86] в «*Необходимо более полно опделить <...> каковы в этом случае должны быть полномочия <...> местной власти*» (Д. А. Медведев на заседании Совета по развитию местного самоуправления 5.10.2010) [15], «...*даже если за эти партии голосуют полипроцента избирателей <...> их мнение должно быть услышано властями*» (Д. А. Медведев на заседании Госсовета по вопросам развития политической системы России 22.01.2010) [Там же].

Ядерная зона концепта *власть*, помимо слова-имени (с его основным значением), характеризуется ядерными признаками, обозначаемыми однокоренными словами. Статистический анализ позволяет констатировать, что в списках распространенным является дериват имени поля *властный* (10) в значении «имеющий политическое господство, осуществляющий функцию государственного управления» [13, с. 86] и его словоформы (35). Широкая валентность данного деривата обуславливает специфику его взаимодействия в контексте с другими словами: уточняет план содержания, наполняет их определенным смыслом, актуальным для спикера. Например: «*Я считаю, что представители любых властных структур, министерств <...> должны появляться на федеральных каналах...*» (В. В. Путин, посещение редакции Первого канала 3.02.2011) [14], «*Сейчас нужно подумать о том, каким образом наша система вся – и властных полномочий, и система выборов <...> могла бы стать менее бюрократической, более свободной и существенно менее централизованно устремленной*» (Д. А. Медведев на встрече с М. Прохоровым 27.06.2011) [15]. Намного реже встречается дериват *госвласть* (6), образованный путем аббревиации. Например, В. В. Путин в своем вступительном слове на встрече с руководством ГД РФ и лидерами фракций 11.03.2008 отметил: «*Предстоит завершить работу над законопроектами, повышающими прозрачность деятельности судебных органов, органов госвласти, а значит, усиливающих защищенность наших граждан от возможных злоупотреблений*» [Там же]. Причем данное слово, как правило, содержит коннотативно-оценочный компонент: *госвласть* отождествляется с возможностью злоупотреблений, в противовес которой становится концептуально значимым и частотным выражение *власть для народа*.

В приядерную зону ЛСП концепта включаются единицы, обусловленные парадигматическими и синтагматическими отношениями с ключевой лексемой *власть*, – синонимы, терминологические обороты и слова одной лексико-семантической группы. Лексико-семантическая группа и синонимический ряд имени поля *власть* представлены узуальными номинациями [1; 8; 18], что вполне закономерно и объясняется сферой употребления, частотой функционирования и функциональной нагрузкой (уточнение, замещение, акцентуация). Таковыми являются существительные *право* (28) – «совокупность устанавливаемых и охраняемых властью норм и правил, регулирующих отношения людей в обществе» [13, с. 577], *правительство* (48) – «высший исполнительный орган государственной власти в стране» [Там же], *президент* (53) – «глава государства» [Там же, с. 582], *державка* (25) – «большая и мощная страна» [Там же, с. 161], *сила* (22) – «могущество, влияние, власть» [Там же, с. 716], *полномочие* (10) – «право, предоставленное кому-л. на совершение чего-л.» [Там же, с. 554], *правление* (5) – «руководство, управление, обладание властью» [Там же, с. 577], *господство* (3) – «обладание властью или преимуществом перед кем-чем-н. или где-н.» [Там же, с. 141], *могущество* (3) – «большая сила, власть, влияние, мощь» [Там же, с. 361], *влияние* (2) – «авторитет, власть» [Там же, с. 86]. Соответственно, контексты и темы для разговора, обсуждения и т.п. самые разнообразные: «*Кто-то говорит, что с помощью ШОС Россия устанавливает мировое господство, лидерство*» (речь В. В. Путина по завершении визита в Казахстан 30.10.2008) [14]; «*Мы поддерживаем могущество и процветание России в качестве одного из важных полюсов в мировом порядке*» (В. В. Путин на встрече с заместителем Председателя КНР Си Цзиньпином 23.03.2012) [Там же]; «*Поручаю Правительству подготовить пакет нормативных документов...*» (Д. А. Медведев на совещании по экономическим вопросам в Кремле 17.06.2008) [15]; «*Военно-морское присутствие России в Мировом океане укрепило авторитет нашей страны как великой морской державы и подтвердило высокую боевую готовность её Военно-Морского Флота*» (из выступления Д. А. Медведева на параде боевых кораблей в честь Дня ВМФ 31.07.2011) [Там же].

Более удаленный от ядра, но приядерный микрослой образуют терминологические выражения, обусловленные, как правило, синтагматикой языковых единиц, типа *органы власти*, *законодательная власть*, *исполнительная власть*, где *власть* является ключевым словом, их смысловым стержнем. Как знаки специальных понятий они выполняют номинативную функцию, реализуют денотативно-сигнификативный компонент плана содержания и подтверждают социальную, профессиональную маркированность высказывания. Например: «*Что же касается будущей системы федеральной исполнительной власти – это задача, которую будут решать новые органы власти, я имею в виду и Президента, и новое федеральное Правительство*» (Д. А. Медведев на заседании Госсовета 26.12.2011) [Там же]. Эту мысль Д. А. Медведев повторяет на расширенном заседании Госсовета 24.04.2012: «*Сразу подчеркну: подготовка конкретных планов работы будущего Правительства – задача уже новых структур власти*» [Там же]. Еще фрагмент его выступления на заседании Госсовета по вопросам развития политической системы России 22.01.2010: «*Кроме того, мною уже внесён в ГД законопроект, устанавливающий порядок определения численности органов законодательной власти субъектов Федерации*» [Там же].

В дискурсе спичрайтерских текстов, созданных для Д. А. Медведева, наиболее употребляемыми становятся сочетания *органы власти, исполнительная власть*, которые часто заменяются аналогом *Правительство РФ*. Примечательно, что Д. А. Медведев стремится активно избегать понятия и, соответственно, выражения *государственный аппарат*, хотя, по сути дела, речь идет именно о нем во всех приведенных фрагментах, вместо этого он и его спичрайтеры используют сочетание *политическая система* как универсальное, которое удовлетворит и граждан России (благодаря включению понятия *гражданское общество*), и политическую элиту страны: «**Политическая система** в современном понимании – это достаточно широкое понятие. Оно включает в себя <...> исполнительно-распорядительную **власть**, комплекс федеративных отношений, структуры **гражданского общества, партии**...» (Д. А. Медведев на заседании Госсовета по вопросам развития политической системы России 22.01.2010) [Там же]. На основании чего можно заключить, что номинации-анalogии также включаются в приядерную зону ЛСП концепта.

Относительно дискурса В. В. Путина (нами намеренно были выбраны тексты, созданные в период его президентства) заметим, что синтагматика лексемы *власть* в целом не отличается: «*В связи с неотложностью решения конкретных социально-экономических вопросов должно быть продолжено наше рабочее взаимодействие между исполнительно-распорядительной и законодательной властью*» (вступительное слово В. В. Путина на встрече с руководством ГД РФ и лидерами фракций 11.03.2008) [Там же]; «*И хочу обратиться к вам с просьбой: при формулировании будущих повесток дня принимать в этом самое активное участие. Надеюсь, что это приведёт к тому, что между федеральными органами власти, региональными и муниципальными будет больше деловых полезных контактов. И это приведёт к более эффективной совместной работе*» (заключительное слово В. В. Путина на заседании Совета по развитию местного самоуправления 1.02.2008) [Там же]; «*Убежден, новый порядок выборов не только усилит влияние партий на формирование демократической власти, но и будет способствовать росту конкуренции между ними, а следовательно, будет укреплять и улучшать качество российской политической системы*» (Послание В. В. Путина ФС РФ 26.04.2007) [Там же].

Аналогия дискурсов обоих президентов РФ очевидна и объясняется экстралингвистическими факторами. Во-первых, их постоянная апелляция к исполнительной власти обусловлена тем, что ее представители – непосредственные реализаторы идей президента. Во-вторых, В. В. Путин и Д. А. Медведев представляют политический тандем, основанный на единстве политических взглядов, преемственности политического курса и двадцатилетней дружбе (о чем сами и говорят), поэтому их представления о власти как о системе с упорядоченной структурой, органами, ведомствами и полномочиями совпадают. Однако некоторые особенности, конечно, наблюдаются в процессе вербализации концепта *власть* именно посредством синтагматических связей. В период предвыборной кампании или сразу после нее в речах В. В. Путина особенно возрастает частота функционирования словосочетания *обновление (высшей) власти*. Так было 29 февраля 2008 г., когда В. В. Путин в своем обращении к гражданам России произнес: «*Три месяца назад мы с вами избрали новый парламент, и он уже активно работает. А послезавтра нам предстоит проголосовать за нового Президента. Тем самым завершить второй и решающий этап обновления высшей власти*» [Там же]; или во вступительном слове на встрече с руководством ГД РФ и лидерами фракций 11 марта 2008 г. отметил: «*Произошло фактически значительное обновление органов высшей власти в стране. И сейчас необходимо взять хороший рабочий темп, соответствующий масштабу и уровню стоящих перед страной задач*» [Там же].

Периферию ЛСП концепта *власть* образуют единичные лексические единицы, которые вступают в деривационные, синонимичные (опосредованные) отношения с единицами околядерной зоны. Таковыми являются контекстуальные и семантико-стилистические синонимы типа *верховенство, главенство, предводительство, преобладание, гегемония* в следующих фрагментах: «*...обеспечение верховенства закона остаются неизменными ориентирами государства*» (Д. А. Медведев на открытии X Всемирного конгресса русской прессы 11.06.2008) [Там же]; «*Говорить о какой-то гегемонии – это значит сразу выстраивать какую-то систему конфронтации с кем-то*» (В. В. Путин на пресс-конференции Президента РФ и Президента Казахстана Н. А. Назарбаева 07.06.2002) [Там же].

Периферийные когнитивные слои ЛСП концепта репрезентируются и метафорическими образованиями *государственная машина, рука Москвы, держать в руках дубинку, прозрачность власти* и т.п. Например, во вступительном слове В. В. Путина на заседании Правительства, посвященном итогам 2007 года, от 27.12.2007 встречаем: «*И, конечно, в период выборов Президента России надёжно, ритмично должна работать вся государственная машина, включая прежде всего Правительство Российской Федерации*» [Там же]. Ключевое слово данной метафоры актуализируется производным переносным ЛСВ-2 «об организации, действующей подобно механизму, налажено и четко» [13, с. 346] и обуславливает краткость и емкость концептуальной составляющей плана содержания высказывания спикера. Примечательно, что подобного рода единицы практически не встречаются в дискурсе Д. А. Медведева: в частности, данная номинация была заменена на более нейтральную, демократическую – *политическая система*. Это объясняется тем, что терминологическое сочетание рассматривается как репрезентация средства простого коммуникативного обмена, свойственного Д. А. Медведеву, следовательно, снимается экспрессия и оценочность высказывания в целом. Наконец, поскольку именно Д. А. Медведев активно заговорил о ее реформировании, спичрайтеры вынуждены были впредь не включать в его дискурс подобные словосочетания. Справедливости ради отметим, что нами были обнаружены единичные случаи включения (употребления) образных выражений в контекст выступлений политика. Так, Д. А. Медведев на расширенном заседании Госсовета 24 апреля 2012 г. говорит о «*прозрачности власти, её действий*». В данном случае опорное слово – производное от переносного ЛСВ-3 прилагательного *прозрачный* «явный, легко

понимаемый» [Там же, с. 610] – обусловлено прагматически: это средство акцентуации внимания аудитории на одном из главных признаков власти, который становится, по мысли Д. А. Медведева, «основным условием взаимного доверия в обществе и эффективности государственной политики» [15].

Наряду с рассмотренными образованиями анализ лексикографических источников [6; 7; 13; 20] помог выявить значимый репрезентатор концепта *власть* – личное местоимение *мы*, содержание которого далеко не исчерпывается семантикой собственно обобщения. В дискурсе В. В. Путина объективируется окказиональное, с точки зрения узуса, значение «государство», на основании метафорического переноса и дифференциальной семы ‘группа лиц (объединенных общими взглядами, занятиями, интересами и т.п., включая говорящего)’ [13, с. 370]: «Подчеркну: *мы работаем для граждан, для наших людей, и их нормальная жизнь должна быть обеспечена*» (вступительное слово В. В. Путина на заседании Правительства 27.12.2007) [15].

С точки зрения частоты функционирования, наиболее активными в дискурсе В. В. Путина номинации, вербализирующие концепт *власть*, оказываются лексемы *власть, государство, демократия* и местоимение *мы* в значении «государство»; у Д. А. Медведева – *власть, закон, правовая система, право, правительство, политическая система, демократия, модернизация*, что свидетельствует об их социально-политических, мировоззренческих и, возможно, личных приоритетах.

Обобщая вышесказанное, отметим, что данный концепт строится на основе лексического значения слова, его номинирующего, и относится к многоуровневым сложным концептам. В отличие от узуального традиционного наполнения концепт *власть* как смыслокомплекс в исследуемом политическом дискурсе претерпевает семантические и концептуальные трансформации и, как следствие, изменение границ. В его структуре возможно выделение двух смысловых уровней: во-первых, *власть* как «политическое господство, государственное управление и его органы» (ЛСВ-2); во-вторых, *власть* как «лица, облеченные правительственными, административными полномочиями» (ЛСВ-3). Из них во главу концепта выносятся первый, что подтверждается его функциональной составляющей в обозначенных спичах. В целом особенностью структуры концепта *власть*, смоделированного по спичам В. В. Путина и Д. А. Медведева, в отличие от конвенциональной модели, является отсутствие четких границ между ядром, приядерной зоной и периферией, обусловленное системными отношениями его компонентов.

Более того, валентность лексемы *власть* выполняет функцию концептуального акцента: она, с точки зрения узуса, наполнена возвышенно-сакральным и одновременно пугающим смыслом, который в дискурсе обоих лидеров спичрайтеры стремятся нивелировать и сформировать у общественных масс другое стереотипное представление «власть народа» (свойственного для прямой, непосредственной демократии) как не только сакрального, но и понятного, доступного гражданам, чем и объясняется преобладание производных ЛСВ-2 и ЛСВ-3 полисеманта *власть* (в отличие от основного ЛСВ-1 *власть* имеет право и возможность ‘подчинить своей воле’, в том числе и с применением силы): «*Власть должна быть честной и для народа*» (Д. А. Медведев), «*Для чего существует власть? Для того чтобы решать проблемы людей, которые формируют эту власть*» (В. В. Путин). Высокая степень частотности его функционирования в спичрайтерских текстах свидетельствует о его активном стремлении к смысловому центру концепта *власть* и позволяет говорить о демонстрации понимания проблемы разобщенности власти и народа в РФ, важности осуществления властных полномочий с целью управления государством и стремлении поддержания власти заказчиками спичей с четкой ориентацией на народные массы.

Таким образом, проанализировав концепт *власть* как средство объективации ЯЛ спичрайтера, стоит сказать о: во-первых, профессиональной компетенции помощников первых лиц государства, о чем свидетельствует многообразие «продуманных» с прагматической точки зрения номинаций, входящих в данный концепт; во-вторых, о доминанте профессиональной ориентированности над личной, которая определяет языковое сознание, лексику, стилистику и другие особенности языка, и носит последовательный, системный характер; в-третьих, важной роли ЯЛ спичрайтера для всех сфер жизни общества, так как наряду со спикером его помощник пишет историю и от содержания спичей и расстановки акцентов первыми лицами государства зависит жизнь граждан РФ и всего мирового сообщества.

Список литературы

1. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. М.: Русский язык, 1986. 600 с.
2. Богданов В. В. Речевое обобщение: прагматические и семантические аспекты. Л.: Лениздат, 1990. 359 с.
3. Богин Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 254 с.
4. Виноградов В. В. Избранные труды. Язык и стиль русских писателей. От Гоголя до Ахматовой. М.: Наука, 2003. 394 с.
5. Даль В. И. Пословицы русского народа: сборник: в 2-х т. М.: Худож. лит., 1989. Т. 1. 431 с.
6. Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. 736 с.
7. Евгеньева А. П. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1984. 752 с.
8. Евгеньева А. П. Словарь синонимов. Л.: Наука, 1975. 648 с.
9. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 263 с.
10. Касаткина Е. А. Концепт «власть» в русской лингвокультуре: когнитивный и фразеосемантический аспекты: автореф. дисс. ... к. филол. наук. Ростов н/Д, 2012. 22 с.
11. Коробкова О. М. Концепты «Власть», «Страх» в политическом дискурсе сталинской эпохи (конец 20-х – начало 50-х годов XX века) [Электронный ресурс] // Политическая коммуникация: материалы Всероссийской научной школы для молодежи (25 августа – 8 октября 2009 года). URL: <http://politcom.uspu.ru/i/inst/tom2.doc> (дата обращения: 10.01.12).
12. Кривonosов А. Д. Основы спичрайтинга. СПб.: СПбГУ, 2003. 156 с.

13. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Изд-е 4-е, доп. М.: А ТЕМП, 2004. 944 с.
14. **Официальный сайт Председателя Правительства РФ** [Электронный ресурс]. URL: <http://правительство.рф> (дата обращения: 23.03.11).
15. **Официальный сайт Президента РФ** [Электронный ресурс]. URL: <http://президент.рф> (дата обращения: 23.03.11).
16. Пушкин А. А. Способ организации дискурса и типология языковых личностей // Язык, дискурс и личность: межвуз. сб. науч. тр. Тверь, 1990. С. 50-60.
17. Седов К. Ф. Дискурс и личность. Эволюция коммуникативной компетенции. М.: Лабиринт, 2004. 304 с.
18. **Словарь синонимов русского языка** / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко [Электронный ресурс]. М.: Астрель; АСТ, 2011. URL: http://fictionbook.ru/author/kollektiv_avtorov/slovar_sinonimov_russkogo_yazyika/read_online.html?page=1 (дата обращения: 20.09.11).
19. **Специфика концепта «власть» в древнерусской культуре** [Электронный ресурс] // Английская школа Е. Джонсон. URL: http://englishschool12.ru/publ/interesno_kazhdomu/interesno_kazhdomu/specifika_koncepta_vlast_v_drevnerusskoj_kulture/57-1-0-3999 (дата обращения: 18.04.12).
20. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М.: Альта-Принт; ДОМ; XXI век, 2009. 1239 с.
21. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. М.: Прогресс, 1986. Т. 1. 573 с.
22. Шапочкин Д. В. Языковая личность в политическом дискурсе [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russian.slavica.org/article1906.html> (дата обращения: 14.04.12).

CONCEPT POWER AS MEANS OF SPEECHWRITER'S LANGUAGE PERSONALITY OBJECTIVATION

Yuliya Yur'evna Danilova, Ph. D. in Philology

Pavel Sergeevich Uchirov

*Department of Russian Language and Contrastive Linguistics
Elabuga Institute of Kazan' (Volga Region) Federal University
danilovaespu@mail.ru*

The authors undertake the attempt to reconstruct and describe the universal concept "power" as a phenomenal component of a speechwriter's linguistic personality by the materials of V. V. Putin and D. A. Medvedev's speeches. In this sense, system relations, in particular the valence of the lexeme "power" or its derivatives, acquire particular significance: depending on their compatibility with other single-level units of language the plan of content is concretized and imbued with essential meaning from the point of view of a speechwriter and of course a customer. It allows comparing some features of the language explication of a concept and revealing general and particular, usual and individual in the conceptual content of this meaning complex in the discourse of the Russian political leaders and, therefore, their speechwriters.

Key words and phrases: concept; power; linguistic personality; speechwriter; meaning complex; political discourse.

УДК 81'255.2

Филологические науки

Статья посвящена проблеме перевода культурно-специфичных лексических единиц на примере единиц, входящих в концепт «высшее образование». Для достижения адекватного перевода обосновывается необходимость использования кросс-культурного анализа на основе лингвокультурных моделей как единиц социокультурного знания.

Ключевые слова и фразы: культурно-специфичная лексика; лингвокультурная модель; концепт; лингвокультура; концептосфера; кросс-культурный анализ.

Анастасия Евгеньевна Дельва, кандидат культурологии, доцент
*Кафедра английского языка
Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов
adelwa@rambler.ru*

КУЛЬТУРНО-СПЕЦИФИЧНЫЕ ЕДИНИЦЫ И ПЕРЕВОД[©]

Известно, что в каждом языке существуют единицы, которые оказываются непереводаемыми или практически непереводаемыми. Теория перевода подробно описывает непереводаемость реалий, или безэквивалентной лексики, этому посвящены как труды классиков [3], так и работы современных ученых. Фразеология – одна из наиболее подробно разработанных областей не только в плане описания и систематизации, но и в плане перевода. Давно составлены словари соответствий для разных пар языков, современные авторы продолжают исследования, расширяя круг своих интересов на «несколькословные образования» [6, с. 207].

Однако причины непереводаемости языковых единиц обычно остаются за кадром, к сожалению, не сложилось и единой классификации таких языковых явлений. В работах по теории и практике межкультурной